

Теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов населением старших возрастных групп

© Л.В. Колпина, М.Н. Реутова

Белгородский государственный научный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Аннотация: В статье обосновывается механизм интериоризации негативных геронтостереотипов людьми старшего поколения, обуславливающий их ограничительные установки и практики. Под негативными геронтостереотипами понимаются представления, бытующие в массовом и индивидуальном сознании, об исключительно дисфункциональной роли старости и жизни пожилых людей. Показано, что интериоризация негативных геронтостереотипов, наряду с рядом негативных следствий, в целом снижая качество жизни, тем не менее несет людям старшего поколения и определенные «бонусы». А негативная геронтостереотипизация, как элемент социального конструкта старости, ставит задачу инфантилизации, а также принуждение к подчиненной роли, самоограничительным установкам, довольствованию тем, что предоставляет микро- и макросоциальное окружение, в противовес адаптации среды к специфическим нуждам. На основе теоретических и эмпирических данных доказывается, что сила давления и значимость социальных стимулов, результаты апробации геронтостереотипов на предмет их «социальной эффективности» и соответствия индивидуально-личностным характеристикам, обуславливают не только глубину их интериоризации, которая может быть полной или частичной, но и ее выборочный характер, вплоть до противодействия им. Исследование факторов, обуславливающих избирательный характер интериоризации негативных геронтостереотипов и противодействие им, является важным шагом в преодолении самодискриминационных установок и практик гражданами старшего поколения.

Ключевые слова: интериоризация, негативные геронтостереотипы, механизм, практики, установки, самоэйджизм, старшее поколение

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00661 «Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных установок и практик граждан старшего поколения».

Информация о статье: Дата поступления 19 марта 2019 г.; дата принятия к печати 29 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2019 г.

Для цитирования: Колпина Л.В., Реутова М.Н. Теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов населением старших возрастных групп. *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 153–161.

Theoretical aspects of the study of the mechanism of selective interiorization of senior citizens' negative gerontostereotypes

© Lola V. Kolpina, Marina N. Reutova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Abstract: The article substantiates the mechanism of senior citizens' negative gerontostereotypes interiorization that causes their restrictive installations and practices. Negative gerontostereotypes are regarded as the ideas in mass and individual consciousness about dysfunctional role of old age and elderly people' life. It is shown that elderly people negative gerontostereotypes interiorization along with a number of negative consequences in general reducing quality of their life, nevertheless, provides certain "bonuses" to them. The negative gerontostereotyping as an element of the social construct of old age poses the problem of infantilization, as well as forcing to a subordinate role, self-restrictive attitudes and practices, contentment by providing a micro and macro-social environment as opposed to adapting the environment to specific needs. On the basis of theoretical and empirical data it is proved that pressure force and social incentives importance, results of gerontostereotypes approbation regarding their "social efficiency" and compliance to individual and personal characteristics cause not only the depth of their interiorization, that can be full or partial, but also its selective character up to counteraction to it. The research of factors causing the selective nature of negative gerontostereotypes interiorization and counteraction to it is an important step in overcoming self-discriminatory attitudes and the practices of senior citizens.

Keywords: interiorization, negative gerontostereotypes, attitude, selfageism, practices, mechanism, senior citizens

Acknowledgements: Grant RFFI 19-011-00661 The influence of ageist stereotypes on formation of selfrestrictive attitude and practices of senior generation citizens.

Article info: Received March 19, 2019; accepted for publication March 29, 2019; available online June 30, 2019.

For citation: Kolpina L.V., Reutova M.N. (2019) Theoretical aspects of the study of the mechanism of selective interiorization of senior citizens' negative gerontostereotypes. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 4. No. 2. Pp. 153–161. (In Russ.)

Представители пожилого старческого возраста, долгожители относятся к числу наиболее стереотипизированных групп. Стереотипы относительно старости и пожилых людей имеют как положительный, так и отрицательный характер, но с существенным преобладанием последних (Смирнова, 2008. С. 50; Берецкая, Соколова, 2012)¹. Так, А.В. Микляева в результате анализа литературы и собственного эмпирического исследования, выделила стереотипы относительно разных возрастов, среди которых пожилой типично характеризуется как «регрессирующая старость», а нетипично – как «мудрый пожилой человек» (Микляева, 2014). Т.В. Смирнова к числу наиболее распространенных геронтостереотипов относит: ухудшение памяти, умственных и трудовых способностей; проблематичность работы с пожилыми людьми и неблагоприятные прогнозы относительно развития организации, руководитель которой в пожилом возрасте (Смирнова, 2008. С. 49). О.В. Краснова дополняет этот список бытующими в массовом сознании представлениями о том, что старый человек – болезненный, слабый, без средств к существованию – не может работать и нуждается в постоянной помощи и опеке; заброшенный и одинокий, консервативный, нередко страдающий нарушениями мозговой деятельности, утрачивает способность принимать правильные решения, обучаться, а также память и сексуальные функции (Краснова, 2005).

Следующее из этих стереотипов – нивелирование значения позднего периода жизни, нацеливание поколений на избежание старости, влечет за собой неумение пожилых людей стариться (Смирнова, 2008. С. 50), поскольку они оказывают существенное влияние на продуктивность деятельности человека, его психологический статус, соматическое состояние (Микляева, 2014).

Таким образом, негативные стереотипы об исключительно дисфункциональной роли старости обуславливают не только барьерный характер социокультурной, физической и институциональной среды для лиц старшего поколения, поскольку влекут за собой унижающие человеческое достоинство, в том числе, дискриминационные практики в их адрес (эйджизм), но также самоограничительные установки и практики самих представителей этих возрастов (самойэйджизм) (Колпина, 2015. С. 6).

Несмотря на некоторую актуализацию, в последние годы проблемы эйджизма в отечественном научном и общественно-политическом дискурсе, основная риторика строится вокруг внешних средовых «барьеров», препятствующих социальной инклюзии и полноценной реализации человеческого, профессионального и социального потенциала граждан старшего поколения. Между тем, эйджистские стереотипы, интериоризируясь, обуславливают и не менее значимые внутренние «барьеры» – самоограничительные установки и практики (вплоть до самоуничтожения и самоизоляции), в отношении которых существует дефицит отечественных научных исследований, как и практических наработок в области их предупреждения и преодоления.

Целью данной статья является обоснование влияния эйджистских стереотипов на ограничительные установки и практики населения старших возрастных групп посредством механизма интериоризации.

Идея исследования влияния эйджистских стереотипов на установки и практики пожилых людей подразумевает, что это стереотипы относительно старости и людей, относящихся к этой возрастной группе (от англ. ageism – возраст), существующие в массовом сознании. А значит, речь идет о социальных стереотипах. В свою очередь,

¹ Берецкая Е.А., Соколова В.Ф. Теория и практика реабилитации граждан пожилого возраста: учебное пособие. М., 2012. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks321028 (дата обращения 18.11.2018). Beretskaya E.A., Sokolova V.F. Theory

and practice of rehabilitation of citizens of advanced age: a training manual. М., 2012. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks321028 (appeal date 11.18.2018).

эйджистские стереотипы, как и любые другие социальные стереотипы, в соответствии с трактовкой, идущей от У. Липпманна, представляют собой ментальный образ социальной группы, в данном случае – представителей старшего поколения (Ильющкин, 2015. С. 88).

Термин «представители старшего поколения» вместо более привычных, например, «пожилые люди», «старики» нами используется не случайно, поскольку вследствие повышения качества жизни и ее продолжительности, та возрастная группа, которая ранее могла быть так обозначена, сейчас является чрезвычайно разнородной. И в ней принято выделять, например, подгруппы третьего и четвертого возраста, где традиционный образ «немогущего старика» относится к четвертой, а представители третьей – носители значимого человеческого потенциала, выражающегося в здоровье, профессиональных знаниях, социальных компетенциях.

Следует отметить, что и граница начала пожилого возраста стремительно размывается. Безусловно, важнейшим ее маркером является официально установленный пенсионный возраст, подразумевающий, что деятельность в сфере трудовых отношений у людей, достигших его, затруждена по состоянию здоровья. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», со словом «пенсионный возраст» у людей чаще всего ассоциируется «время заслуженного отдыха для человека»². Однако и эти границы могут варьироваться в разных странах (например, в зависимости от их социально-экономических возможностей обеспечить качество жизни этой возрастной группе, и, соответственно, здоровье). Прекращение профессиональной деятельности после достижения пенсионного возраста – отнюдь не норма и некоторые страны не предусматривают пенсионных выплат.

По-видимому, с границей выхода на пенсию по возрасту в немалой степени свя-

заны установки массового сознания относительно того, кого можно отнести к пожилым людям. Об этом можно судить по тому, что 34 % россиян убеждены, что пенсионный возраст – это возраст, с которого начинается старость³. А также потому, что, в основном, эта возрастная граница варьирует в пределах от 50 до 64 лет. Сравнительно чаще респонденты говорят о возрасте 60–64 года: в 2012 году так считали 19 %, в 2005 – 25 %. Но, например, незначительно меньшее количество людей сообщили, что в 50–54 года (16 % и 19 % соответственно), в 55–59 лет (14 % и 22 %), а 14 % в 2012 году назвали цифру 70–74 года (в 2005 – 8 %). Так или иначе, эти данные указывают на отсутствие общественного консенсуса по данному вопросу и тренд смещения этой границы в сторону увеличения возраста⁴.

Считаем обоснованным в качестве старшей возрастной группы рассматривать население в возрасте старше 60-ти лет, поскольку в соответствии с классификацией ВОЗ именно с 60-ти лет человек считается пожилым, затем – переходит в группу старческого возраста и долгожителей.

Как было отмечено выше, социальный стереотип – это образ какой-либо социальной группы. Стереотипное восприятие заключается в «склонности воспринимающего субъекта легко и быстро категоризировать «воспринимаемого субъекта» в зависимости от его возраста, пола, этнической принадлежности, национальности и профессии и тем самым приписывать ему качества, которые считаются типичными для людей этой категории» (Ильющкин, 2015. С. 87).

Вообще «эйджистские стереотипы могут распространяться не только на старшую возрастную группу, поскольку эйджизм в принципе обозначает дискриминацию, основанную на негативной стереотипизации любого возраста. В этой связи для указания на стереотипы именно относительно старости и людей старших возрастов ис-

² «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 15 июля 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6 %. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (дата обращения: 23.03. 2019). "FOMnibus" – a survey of citizens of the Russian Federation from the age of 18 and older. July 15, 2018. 53 subjects of the Russian Federation, 104 settlements, 1500 respondents. Stat error does not exceed

3.6%. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (access date: 23.03. 2019).

³ Там же. Ibid.

⁴ Проект «Доминанты» «ФОМнибус», 25 марта 2012. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/10382> (дата обращения: 23.03. 2019). The project "Dominants" "FOMnibus", March 25, 2012. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/10382> (access date: 23.03. 2019)

пользуется понятие «геронтостереотипы» (от греч. геронтос – старик), а эйджизм (включающий в себя как негативные стереотипы, так и ограничительные практики) в этом случае целесообразно уточнять как геронтологический.

В отличие от стереотипов, установка обычно характеризует устойчивую предрасположенность, готовность социального субъекта к действию (Ильющкин, 2015. С. 87) и выступает важным условием тех или иных практик жизнедеятельности. Влияние негативных геронтостереотипов, существующих в массовом сознании на самоограничительные установки и практики граждан старшего поколения, происходит посредством интериоризации.

Вообще, интериоризация, представляя собой процесс заимствования из внешней среды определенных сведений и их усвоение в качестве знаний, умений, норм, образцов поведения, ценностей, выступает одним из важнейших условий социализации личности (Рубчевский, 2003. С. 147) и является механизмом присвоения социокультурного опыта⁵.

Механизм интериоризации в целом видится следующим: социальная информация (в данном случае формирующая социальный конструкт старости) поступает из внешней среды. В результате прямой или опосредованной положительной или отрицательной стимуляции (одобрение, поддержка / неодобрение, санкции), а также ее апробации посредством экстерииоризации (проверки («практикой») транслируемых ценностей и норм) и на предмет ее «комплементарности» индивидуально-личностным особенностям (разноплановым потребностям, ранее сформированным установкам, мотивационно-ценностной структуре, я-концепции), информация закрепляется в интрапсихических структурах (например, в психоанализе это «Сверх-Я», в транзактном анализе Э. Берна «Родитель»), то есть, принимается личностью, детерминируя соответствующие установки и поведение. Причем можно говорить о двух формах принятия: инфантильной («так принято») – без

критической оценки) и зрелой, как осознанного выбора.

Указанные элементы механизма интериоризации не являются все обязательными и действующими в строго заданной последовательности. Так, не все нормы и ценности проверяются экстерииоризацией, а нередко жизненная практика противоречит интериоризированным нормам и ценностям, что не умаляет значимости для их носителя. Достаточно, чтобы они были внутренне логичны, то есть комплементарны его нормативно-ценностной системе. Либо социальное давление (одобрение/санкции) столь велико, что человек даже не пытается проверять на практике «работоспособность» тех или иных конструктов, не «тестирует» их на «индивидуально-личностную комплементарность». Может быть ситуация, когда человек не принимает существующие ценности, но придерживается вытекающих из них норм, поскольку взамен получает необходимые социальные блага. То есть, несмотря на то, что проверка экстерииоризацией пройдена, тем не менее социальная информация не встраивается в интрапсихические структуры – человек оказывает частичное сопротивление существующим стереотипам. А неприятие социокультурных норм может выливаться в активное противодействие им (например, феномен диссидентства (Попова, Пушкарева, 2012. С. 147) или пассивное их игнорирование.

Таким образом, некоторую социальную норму можно знать, но не следовать, противостоять ей; зная ее, не соглашаться, но все же выполнять, а можно принять и следовать ей уже «по собственной воле» (частичная и полная интериоризация), что ставит вопрос о факторах, обуславливающих глубину интериоризации стереотипов и способность противостоять им.

В этом плане показательны результаты авторского анкетного опроса населения в возрасте 60-ти лет и старше (2015 г.), показывавшие, что не все негативные геронтостереотипы интериоризируются пожилыми людьми в равной мере. Респондентам был представлен перечень негативных

⁵ Сениущенко С.П. Проблема интериоризации в истории отечественной психологии: автореф. ... канд. псих. наук. М.: 2009. С. 11. Senuschenkov S.P. The prob-

lem of interiorization in the history of national psychology: extended abstract of cand. dissertation (Psychology). М.: 2009. P. 11.

геронтостереотипов. Сначала они отмечали те из них, с которыми приходилось и приходится встречаться наиболее часто (для выявления распространенности негативных геронтостереотипов в массовом сознании), затем, с которыми они согласны (интериоризированные ими).

Ранжирование ответов в первом и втором задании показало сходство иерархий распространенности негативных геронтостереотипов в массовом сознании и в старшей возрастной группе. Этот вполне предсказуемый «параллелизм» объясняется тем, что степень их распространенности в массовом сознании обуславливает силу давления на индивидуальное сознание, отражая действенность существующего социального конструкта старости, который предписывает требования к этой возрастной группе. А в основном – негласным «обоснованием» и являются геронтостереотипы.

Исходя из этого посыла логично, что соотносимыми оказались не только иерархии, но и доли ответов относительно частоты столкновения респондентов в жизни с такими суждениями, и их собственном мнении об адекватности этих суждений. Так, лидерами в первом и втором вопросах оказались стереотипы о сварливости и проблемном характере пожилых людей, а также о том, что в пожилом возрасте положено иметь различные болезни – это нормально. Так, практически одинаковые доли опрошенных старше 60-ти лет встречались с представлением о сварливости пожилых людей и их трудном характере и выразили согласие с этой позицией (49,2 % и 51,7 % соответственно) (Колпина, 2015. С. 63).

В то же время, по некоторым геронтостереотипам была выявлена значимая разница в ответах на эти два вопроса, которая, помимо прочего, маркирует избирательный характер интериоризации различных стереотипов: одни из них усваиваются лучше, другие – хуже. Полученные результаты позволили предположить, что легче усваиваются наиболее «безобидные» для самооценки стереотипы (самооценка является оценочным компонентом «я-концепции»), а также способствующие переносу личной ответственности на «объективные обстоятельства» (маркер инфантилизации) как за межличностную коммуникацию, так и

за состояние своего здоровья или обеспечивающие возможность привлечения дополнительного внимания. Иллюстрацией последнего может служить следующее: 41,5 % опрошенных часто сталкивались с суждением, что «в пожилом возрасте положено иметь различные болезни, это нормально», а выразили с ним свое согласие – на 20 пп. больше – 60,2 % (Колпина, 2015. С. 62–64). Такая разница между значениями распространенности этого стереотипа в массовом сознании и степенью его интериоризации представителями старших возрастных групп может свидетельствовать о том, что, по их мнению, окружающие недооценивают критичность состояния здоровья. Одновременно с этим, усвоение данного стереотипа не сказывается отрицательно на самооценке пожилого человека, и, судя по соотношению указанных значений, по-видимому, позволяет предъявить претензии социальному окружению в недостаточном внимании к данной проблеме, что может приносить положительные результаты. Это означает, что негативные геронтостереотипы в определенных условиях могут проходить «проверку экстериоризацией» со знаком «плюс», обуславливая легкость их принятия получением «вторичных выгод».

А вот с интериоризацией стереотипов о пассивности пожилых людей, их однообразной жизни, о том, что они мало чем интересуются – противоположная картина. С этим согласились только 7,6 % респондентов, тогда как такое мнение среди окружающих их людей ими было отмечено в два раза чаще (13,6 %). То же относится к стереотипу об общественной бесполезности пожилых людей, что они – только нагрузка для государства, общества, семьи. Их разделяют 7,6 % и 11,9 % опрошенных старше 60-ти лет, а сталкивались с такими суждениями в 1,5–2 раза больше их представителей (соответственно 15,3 % и 18,6 %) (Колпина, 2015. С. 63). Объяснить такие данные можно тем, что эти стереотипы травматичны для самооценки и их принятие не дает никаких дивидендов (не проходят проверку экстериоризацией), в отличие от стереотипа о нормальности быть больным в пожилом возрасте, который позволяет снять с себя ответственность за свое здоровье, оправдать иждивенческие ориентации.

Между тем получаемые «бонусы» от интериоризации негативных стереотипов неоднозначны. В частности, люди, разделяющие представление о том, что болезни являются непременным атрибутом старения, как и боль, усталость, депрессивность, зависимость от других, отличаются более слабым здоровьем, поскольку реже считают нужным обращаться за медицинской помощью, менее склонны к физической активности, профилактическим мероприятиям, например, диспансеризации, соблюдению диеты, ограничению употребления алкоголя и табака (Ouchida, Lachs, 2015).

О том, что не все стереотипы массового сознания разделяются, а значит интериоризируются пожилыми людьми в равной мере, свидетельствуют и результаты исследования Т.В. Смирновой, в соответствии с которыми распространённость представлений об ухудшении в пожилом возрасте умственных способностей и характере, среди пожилых респондентов на 10–15 % ниже, чем в других возрастных группах (Смирнова, 2008. С. 51). В этом же русле данные национального опроса, реализованного Фондом «Общественное мнение», в ходе которого 41 % респондентов всех возрастов согласились с утверждением, что большинство мужчин в 60 лет ещё могут нормально работать, а среди тех, кто старше 60-ти лет таковых – 48 %. В отношении женщин – аналогичный тренд: 45 % – по населению в целом и 52 % – среди старше 60-ти лет⁶.

Интересно, что и сила ограничивающего влияния интериоризированных негативных геронтостереотипов на установки и практики, реализуемые пожилыми людьми, тоже разная. Так, в отмеченном ранее авторском анкетном опросе было выявлено, что наиболее тотальным влиянием на установки пожилых людей обладают представления о том, что они практически всегда больные, немощные, и что они должны про-

сто дожить жизнь. Именно те респонденты, которые более всего разделяли эти стереотипы, чаще других сообщали, что в последние годы случалось отказываться от своих планов из-за того, что они решили или им было сказано, что в этом возрасте «так делать не принято» или уже «не по плечу» (Колпина, 2015. С. 65).

Вообще, негативная геронтостереотипизация имеет своей задачей инфантилизацию пожилых людей, принуждение их к подчиненной роли, самоограничительным установкам и практикам, довольствованию тем, что предоставляет им микро- и макро-социальное окружение, вместо того, чтобы адаптировать социальную среду под их специфические нужды, что гораздо сложнее. В этой связи интересны факторы избирательной интериоризации, негативных геронтостереотипов, более других оказывающих инфантилизирующее влияние.

К ним относятся представления о возрастном снижении когнитивных функций, неспособности в преклонном возрасте принимать верные решения и нести ответственность, и в целом осуществлять продуктивную деятельность, обуславливающие распространённые эйджистские практики. Это проявляется в покровительственном языке, жестах, поведении, снисходительной форме общения, замедленном темпе и упрощённом типе речи с высоким тоном и преувеличенными интонациями (как с детьми), реализуемых в интеракциях с представителями этой возрастной группы (Kite, Wagner, 2002; Giles et.al, 1994; Nelson, 2005).

Безусловно, старение может сопровождаться ростом зависимости от окружающих. Однако, по свидетельствам самих пожилых людей, их часто считают не компетентными, не принимая в расчёт огромный опыт самостоятельной работы и независимой плодотворной жизни⁷, в силу чего такое отношение их возмущает (Ryan et.al, 1994).

⁶ «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 15 июля 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населённых пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6 %. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (дата обращения: 23.02.2019). "FOMnibus" - a survey of citizens of the Russian Federation from the age of 18 and older. July 15, 2018. 53 subjects of the Russian Federation, 104 settlements, 1500 respondents. Stat error does not exceed 3.6%. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14070> (access date: 23.02. 2019).

⁷ Доклад Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека // Основная сессия 2012 года. Женева, 23–27 июля 2012 года. С. 9. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/SForum/SForum2014/E.2012.51_ru.pdf (дата обращения: 23.03.2019). Report of the High Commissioner of the United Nations Commission on Human Rights // Main Session of 2012. Geneva, July 23–27, 2012. P. 9. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/SForum/SForum2014/E.2012.5_ru.pdf (access date: 03.23. 2019).

Ведь усиление зависимости от социальных факторов не умоляет их как личность, значимость их мнения и учета интересов, и требует соответствующего отношения к ним.

Между тем, в некоторых случаях обращение с пожилыми людьми «как с детьми» воспринимается ими положительно и рассматривается как успокаивающее. В основном этим отличаются те из них, кто имеет более низкие функциональные способности, а с высоким когнитивным и социальным функционированием, чаще воспринимают такое отношение и поведение как неуважение, свысока (Edwards H., Noller, 1993; O'Connor, Rigby, 1996; Caporalet al, 1983; Caporalet, Culbertson, 1986).

Указанные примеры позволяют предположить, что влияние эйджистских стереотипов на установки и практики пожилых людей во многом обусловлены степенью их автономности, их локусом контроля, который характеризует представление человека о его возможностях влияния на ситуацию, управления ею, что в свою очередь детерминировано как субъективными факторами (жизненная позиция, здоровьесберегающими установками, к числу которых относится горизонт планирования), так и объективными – дружественностью или враждебностью внешней среды, богатством или скудностью ее возможностей.

О верности этого предположения свидетельствуют и результаты других исследований. Так, по мнению А.В. Микляевой, влияние инфантилизирующих геронтостереотипов более всего проявляется во внутрисемейных интеракциях, а наибольшим рискам такого рода подвержены пожилые люди, социальная активность которых ограничена пределами семьи: не работающие, не имеющие супруга или супруги и проживающие с детьми и внуками (Микляева, 2018). Т.В. Смирнова отмечает, что интериоризация негативных стереотипов относительно профессиональных качеств в большей степени выражена у неработающих пожилых людей, тогда как те, кто продолжают трудовую деятельность, более успешно оказывают сопротивление этому социальному конструкту (Смирнова, 2008). Несколько расширяя объяснение этого явления, данное Т.В. Смирновой, можно предположить, что наиболее успешно противостоят

геронтостереотипам пожилые люди, которые имеют возможность на практике доказать (себе, другим) несостоятельность негативных геронтостереотипов, а изоляция из различных сфер жизнедеятельности, снижение ресурсов для индивидуальной и общественной самореализации, самоутверждения, ведения достойного образа жизни, способствует их интериоризации. Таким образом, факторами, обуславливающим глубину интериоризации или способность противостоять ей, являются, с одной стороны, средовые возможности, а с другой, представления о собственных возможностях.

В заключение подведем итоги. Механизм интериоризации можно описать как алгоритм, в котором прямое и косвенное воздействие социальной информации, задающей социокультурный конструкт старости, подкрепляется соответствующей позитивной или негативной стимуляцией со стороны микро- и макросоциального окружения представителей старшей возрастной группы, «апробируется» ими – посредством экстериоризации и на предмет ее «комплементарности» индивидуально-личностным особенностям, после чего информация полностью или частично закрепляется – либо в интрапсихических структурах, либо только на уровне навыка, но так или иначе детерминируя соответствующее поведение.

Сила давления и значимость социальных стимулов, результаты «апробации» геронтостереотипов на предмет их «социальной эффективности» и индивидуально-личностной «комплементарности», обуславливают не только глубину интериоризации негативных геронтостереотипов (полная или частичная), но и выборочный характер интериоризации, вплоть до противодействия им.

Интериоризация негативных геронтостереотипов, выполняя функцию поддержания существующего социокультурного конструкта старости, влечет за собой определенные «блага», в частности, нормализацию пассивных и иждивенческих стратегий в противовес реализации активных практик здоровьесбережения, добровольчества, саморазвития, взаимопомощи и поддержки и т. п., нанося ущерб индивиду как личности.

Существующий социокультурный конструкт с превалирующей негативацией старости, как и соответствующие ему роле-

вые отношения, построенные на негативной стереотипизации этого жизненного периода, утрачивает актуальность в современном мире. Это обусловлено императивом продуктивного долголетия, которое является не только показателем качества жизни старшей возрастной группы, но и фактором социально-экономической устойчивости сообществ и обществ в целом, характеризующихся увеличением в своей структуре доли граждан старшего поколения, вследствие

чего их социально-трудовой потенциал становится все более востребованным.

Исследование факторов, обуславливающих специфику интериоризации и противодействие негативным стереотипам, является важным шагом в решении проблем преодоления самозыджизма, социальной эксклюзии населения старших возрастных групп, обеспечения условий для полноценной реализации их потенциала в индивидуальных и общественно значимых целях.

Библиографический список

- Ильющкин В.В. Социальный стереотип как концентрированное выражение социальной установки // Вестник науки и образования. 2015. № 1 (3). С. 87–92.
- Колпина Л.В. Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты и пути его преодоления // ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. 112 с.
- Краснова О.В. Стереотипы пожилых и отношение к ним // Психология развития: хрестоматия. М., ЧеРо: Omega-L, 2005. С. 469–471.
- Микляева А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 109–124.
- Микляева А.В. Содержание возрастных стереотипов: эмпирическая типология // Письма в Эмиссия. Оффлайн. Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). 2014. № 2. С. 2148–2148.
- Попова Е.В., Пушкарева Т.В. Интериоризация в контексте проблемы социальной детерминации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. С. 146–147.
- Рубчевский К.В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 147–151.
- Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
- Caporaal L., Culbertson G. Verbal response modes of baby talk and other speech at institutions for the aged // Language and Communication. 1986, no. 6, pp. 99–112.
- Caporaal L., Lukaszewski M., Culbertson G. Secondary baby talk: Judgments by institutionalized elderly and their caregivers // Journal of Personality and Social Psychology. 1983, no. 44, pp. 746–754.
- Edwards H., Noller. Perceptions of overaccommodation used in nurses in communication with the elderly // Journal of Language & Social Psychology. 1993. No. 12 (3). Pp. 207–223.
- Giles H., Fox S., Harwood J., Williams A. Talking age and aging talk: Communicating through the life span / Interpersonal communication in older adulthood: Interdisciplinary theory and research // In M. Hummert,

References

- Ilyushkin V.V. (2015) Social stereotype as a concentrated expression of social attitude. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Journal of science and education*. No. 1 (3). Pp. 87–92. (In Russ.)
- Kolpina L.V. (2015) *Eidzhizm v obsluzhivanii pozhilykh grazhdan uchrezhdeniyami zdravookhraneniya i sotsial'noi zashchity = Ageism in the service of elderly citizens by health and social protection institutions and ways to overcome it*. ID "Belgorod" NIU "BelGU". 112 p. (In Russ.)
- Krasnova O.V. (2005) Stereotypes of the elderly and their attitude. *Psihologija razvitiya: hrestomatija = Developmental psychology: a reader*. Moscow: CheRo: Omega-L. Pp. 469–471. (In Russ.)
- Mikljaeva A.V. (2018) Infantilization of elderly people in everyday interaction: to the problem statement. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of social policy research*. Vol. 16. No. 1. Pp. 109–124. (In Russ.)
- Mikljaeva A.V. (2014) The content of age stereotypes: an empirical typology. *Letters to Issue. Offline: electronic scientific journal = Pisma v Jemissija. Offlajn: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. No. 2. Pp. 2148–2148. (In Russ.)
- Popova E.V., Pushkareva T.V. (2012) Interiorization in the context of the problem of social determination. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. No. 1. Pp. 146–147. (In Russ.)
- Rubchevskij K.V. (2003) Socialization of personality: interiorization and social adaptation. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity*. No. 3. Pp. 147–151. (In Russ.)
- Smirnova T.V. (2008) Older persons: stereotypical image and social distance. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. No. 8. Pp. 49–55. (In Russ.)
- Caporaal L., Culbertson G. Verbal response modes of baby talk and other speech at institutions for the aged // *Language and Communication*. 1986. No. 6. Pp. 99–112.
- Caporaal L., Lukaszewski M., Culbertson G. Secondary baby talk: Judgments by institutionalized elderly and their caregivers // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. No. 44. Pp. 746–754.
- Edwards H., Noller. Perceptions of overaccommodation used in nurses in communication with the elderly // *Journal of Language & Social Psychology*. 1993. No. 12 (3). Pp. 207–223.
- Giles H., Fox S., Harwood J., Williams A. Talking age and aging talk: Communicating through the life span / *Interpersonal communication in older adulthood: Interdisciplinary theory and research* // In M. Hummert, J. Wiemann,

J. Wiemann, J. Nussbaum (Eds.). New York: Sage. 1994. Pp. 130–161.

Kite M. E., Wagner L.S. Attitudes toward older adults / Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons // In T. Nelson (Ed.). Cambridge, MA: MIT Press. 2002. Pp. 129–161.

Nelson T. Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // Journal of Social Issues. 2005. Vol. 61. No. 2. Pp. 207–221.

O'Connor B.P., Rigby H. Perceptions of baby talk, frequency of receiving baby talk, and self-esteem among community and nursing home residents // Psychology and Aging. 1996. No.11. Pp. 147–154.

Uchida K.M., Lachs M. S. Not for doctors only: Ageism in healthcare // Generations. 2015. Vol. 39. No. 3. Pp. 46–57.

Ryan E.B., Hamilton J.M., See S. K. Patronizing the old: How do younger and older adults respond to baby talk in the nursing home? // International Journal of Aging and Human Development. 1994. No. 39. Pp. 21–32.

J. Nussbaum (Eds.). New York: Sage. Pp. 130–161.

Kite M. E., Wagner L. S. Attitudes toward older adults / Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons // In T. Nelson (Ed.). Cambridge, MA: MIT Press. 2002. Pp. 129–161.

Nelson T. Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // Journal of Social Issues. 2005. Vol. 61. No. 2. Pp. 207–221.

O'Connor B. P., Rigby H. Perceptions of baby talk, frequency of receiving baby talk, and self-esteem among community and nursing home residents // Psychology and Aging. 1996. No. 11. Pp. 147–154.

Ouchida K. M., Lachs M. S. Not for doctors only: Ageism in healthcare // Generations. 2015. Vol. 39. No. 3. Pp. 46–57.

Ryan E. B., Hamilton J. M., See S. K. Patronizing the old: How do younger and older adults respond to baby talk in the nursing home? // International Journal of Aging and Human Development. 1994. No. 39. Pp. 21–32.

Сведения об авторах

Колпина Лола Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного научного исследовательского университета, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: karlkastane@yandex.ru

Реутова Марина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного научного исследовательского университета, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: reutova@bsu.edu.ru

Критерии авторства

Колпина Л.В., Реутова М.Н. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Lola V. Kolpina, Cand. Sci. (Sociological Sciences), Associate Professor of Social Technologies Department, Belgorod State National Research University, 85 Pobeda, Belgorod, 308015, Russian Federation, e-mail: karlkastane@yandex.ru

Marina N. Reutova, Cand. Sci. (Sociological Sciences), Associate Professor of Social Technologies Department, Belgorod State National Research University, 85 Pobeda, Belgorod, 308015, Russian Federation, e-mail: reutova@bsu.edu.ru

Criteria for Authorship

Kolpina L.V., Reutova M.N. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.